

УДК 398(470.57)
ББК 82.3(2)=632.2

Заяц в фольклоре и религиозно-мистических воззрениях башкир

А.Ф. Илимбетова

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Россия)

Hare in Folklore and Religious Mystical Views of the Bashkirs

A.F. Ilimbetova

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre RAS (Ufa, Russia)

Статья посвящена анализу пережитков культа зайца у башкир. Заяц являлся одним из почитаемых животных в их древних религиозно-мистических воззрениях. В устных рассказах башкир заяц наделяется человеческими качествами — обладает чувствами, даром мышления и речи. В сказочном и детском игровом фольклоре проявляются следы веры предков башкир во взаимное превращение человека и зайца друг в друга. В родоплеменной этнонимии башкир сохранились мотивы о происхождении отдельных групп людей от зайца — тотема и тотемического предка. В устнопоэтическом творчестве, обычаях и обрядах башкир заяц выступает в роли тотемического предка, покровителя семейно-брачных отношений, рожениц и детей. В народном календаре и приметах башкир заяц символизирует плодovitость, плодородность. В мифоритуальной традиции башкир заяц выступает как благодетель героев — он создает им благоприятные условия, приносит богатство, охраняет их жизнь. В религиозно-магической практике башкир заяц предстает в ампула врачевателя людей. Охранительные функции зайца раскрываются в приписывании изображения зайца защитных свойств и в практике пришивания на детские шапочки заячьих ушек и хвостов как оберегов от нечистой силы и сглаза. В устных произведениях башкир преломляются реминисценции древних космогонических мифов об участии зайца — тотемического предка в творении земли и удерживании ее в пространстве Вселенной.

Ключевые слова: башкиры, заяц, культ, верования, фольклор, мировоззрение, традиции.

DOI: 10.14258/izvasu(2021)2-07

Культ животных является наиболее важной частью древнего мировоззрения многих народов мира, в том числе и башкир [1, с. 8–31; 2, с. 332–333,

The article is devoted to the analysis of the remnants of the cult of the hare among the Bashkirs, which was one of the revered animals in their ancient religious and mystical views. In oral stories, the Bashkir hare is endowed with human qualities — it has feelings, the gift of thinking and speech. In the fairy tale and children's play folklore, traces of the belief of the ancestors of the Bashkirs in the mutual transformation of a person and a hare into each other appear. In the tribal ethnonymy of the Bashkirs, motives have been preserved about the origin of certain groups of people from a hare, totem and totemic ancestor. In oral poetry, customs and rituals of the Bashkir hare acts as a totemic ancestor, patron saint of family and marriage relations, women in labor and children. In the folk calendar and signs of the Bashkir, the hare symbolizes fertility and fertility. In the mythological tradition, the Bashkir hare acts as a benefactor of heroes — it creates favorable conditions for them, brings wealth, and protects their lives. In religious and magical practice, the Bashkir hare appears as a healer of people. The protective functions of a hare are revealed in attributing protective properties to images of a hare and in the practice of sewing hare ears and tails on children's hats, as amulets against evil spirits and the evil eye.

In the oral works of the Bashkirs there are remnants of ancient cosmogonic myths about the participation of a hare — a totemic ancestor in the creation of the earth and keeping it in the Universe.

Key words: the Bashkirs, hare, cult, beliefs, folklore, worldview, traditions.

434–438]. Одним из почитаемых башкирами животных в их древних религиозно-мистических воззрениях являлся заяц (*жуян*). Изучение пережит-

ков почитания зайца дает возможность воссоздать те или иные аспекты этнической истории башкир, а также способствует выявлению исторических и генетических корней их духовной культуры. *Целью исследования* является анализ культа зайца у башкир во всех его проявлениях в быту и практической деятельности по данным этнографии, фольклора и других материалов. *Методологическую основу* исследования составил принцип аналитического и ретроспективного анализа фольклорных, литературных и лингвистических источников. *Результаты*. В работе впервые систематизированы и проанализированы историко-этнографические и фольклорно-лингвистические материалы по данной проблеме. Введены в научный оборот новые фольклорные и этнографические сведения, переведенные автором на русский язык. *Выводы*. Исследовав проблему, автор пришел к выводу о том, что заяц в прошлом играл важную роль в мифоритуальных традициях башкир. Его образ часто встречается в фольклоре, верованиях и обрядности башкир. К сожалению, вопросам выявления и изучения мировоззренческого комплекса о зайце до сих пор не уделено должного внимания в башкирской этнографии и фольклористике. С целью восполнения этого пробела мы рассматриваем образ зайца в культуре башкирского народа.

В башкирском фольклоре заяц изображается как самое трусливое животное. Так, в сказках «Шаян бесэй» («Шаловливый кот») и «Һоросай менән Карасай» («Серенький и Черненький») заяц пугается кота, приняв его за грозного зверя, в рассказе «Ғәзел төлкө» («Справедливая лиса») боится слепой лисы, в устном рассказе «Батыр этәс» («Смелый петух») страшится зашедшей в его дом козы. В аллегории «Куян менән терпе» («Заяц и еж») заяц предстаёт простоватым и глупым существом, которого обхитрил еж [3, с. 7–82, 86, 124–125, 128–130, 132–134]. О восприятии башкирами зайца как самого трусливого существа говорят и следующие народные поговорки (*әйтәм*): «Куян үз күләгәһенән куркыр» («Заяц свое тени боится»), «Куяндан сыскан да куркмай» («Даже мышь зайца не боится») и др. [4, с. 643].

В то же время в устной словесности башкир заяц обладает живым, сметливым, изворотливым и хватким умом. Например, в легенде «Бүре менән куяндар» («Волк и зайцы») зайцы, когда на них выходит преследовавший их волк, реально оценивают критическую ситуацию, делают правильный вывод о том, что «волк всегда останется волком», принимают единственно верное решение разбежаться в разные стороны. В устной прозе «Куян менән арыслан» («Заяц и лев») заяц хитростью вынуждает прыгнуть кровожадного льва за собственным отражением в колодец. На высокий уровень интеллектуально-го развития зайца показывают его многочисленные

выверты, уловки, проделки и ухищрения. Например, в сказке «Батыр бесэй» («Храбрый кот») заяц угрожает преследовавшей его лисе: «Я пожалуюсь на тебя брату коту!». Лиса, никогда не видевшая кота, приняв его за какого-то грозного зверя, отпускает зайца [3, с. 27, 75–76, 86–87]. В мифологии башкир заяц часто использует свои недюжинные умственные способности в коварных целях. В частности, в сказании «Батыр егет Батырша» («Храбрый егет Батырша») обиженный зайчонок гасит угольки в печке и оставляет героиню сказки без огня [5, с. 272–277].

В религиозно-мифологических воззрениях башкир заяц часто наделяется человеческими качествами. По их поверьям, заяц понимает человеческую речь. Поэтому при подготовке к охоте на зайцев или во время охоты на них не рекомендовалось произносить настоящий зооним зайца «*куян*», а предлагалось называть его иносказательным словом «*озон колак*» («длинноухий») [6, с. 23]. Эта же мысль отражается и в заклинании, произносимом при установке силка на зайца, которое направлено на парализацию зайца, чтобы он не смог обойти силки или оборвать их [7, с. 72]. Башкиры верили, что у зайцев имеется собственный разговорный язык — «*куян теле*» («заячий язык»). Охотники, владеющие «заячьим языком», могут повелевать зайцами [8, с. 17].

Пережитки антропоморфизации зайца всплывают в устном народном творчестве и игровом фольклоре башкир. Так, в сказке «Әбелсәғит» («Абулсагит») молодой лесоруб добывает в лесу зайца и варит его. Только он собрался съесть мясо, заяц оживает и говорит ему по-человечески, что его тайну знает только человек по имени Абулсагит. Герой после долгих поисков находит Абулсагита в Крыму. Он сообщает ему, что пойманный в лесу заяц — это добродетельная старуха, превращенная в зайца [9, с. 195]. Мотивы взаимной метаморфозы зайца в охотника и охотника в зайца содержатся в детской игре «*Өйһөз куян*» («Бездомный заяц»), где игроки становятся то «зайцем», то «охотником» [10, с. 77].

В представлениях башкир сохранились не только пережитки взаимного отождествления человека и зайца, но и отголоски мировоззрения о происхождении отдельных этнических общностей от зайца. Так, в родоплеменной номенклатуре башкир имеются этнонимы с наименованием «*куян*» — «заяц». В частности, род «*куян*» зафиксирован у тамьянцев Абзелиловского и Белорецкого районов Республики Башкортостан (РБ) [11, с. 113], родовые подразделения под тем же названием установлены в составе усерган Хайбуллинского, кузгун-кайтацев Белорецкого [12, с. 48–57], мунаш-бурзян Баймакского [13, с. 49], карагай-кыпсаков Бурзянского [14, с. 47], кошсинцев Мечетлинского [6, с. 216, 220] районов РБ и гайнинцев Пермского края [15, с. 286].

Во всех этих и однородных им других фольклорно-мифологических и лингвистических артефактах исследователи видят следы высокоразвитого в прошлом у древних башкир тотемического культа зайца [16, с. 15; 17, с. 37; 18, с. 28, 29]. В культуре башкир накоплено немало материалов, подкрепляющих данный вывод. В исторической памяти башкирского народа образ зайца сохранился в первую очередь как тотемический предок, поборник людей. И в этой ипостаси он выступает прежде всего как покровитель семейно-брачных отношений, женщин и детей. Так, на обеспечение плодовитости молодой женщины направлено заклинание, произносимое женами родных братьев жениха при первой встрече ново-брачной в доме родителей жениха:

«Аллы бул, гәллө бул,
Будь многодетной, цвети,
Куян кеүек түллө бул!» [19, с. 275].
Будь плодовитой, как зайчиха!»

В устных произведениях башкир заяц принадлежит к символам плодовитости и плодородности [4, с. 643]. В фольклорных текстах башкир встречается поэтический эпитет, раскрывающий их мифологический взгляд на зайца — «*Кызыл сикә куян*» («заяц с красными висками») [20, с. 268]. Если принять во внимание, что у башкир красный цвет также был сакральным цветом, способствующим плодовитости молодых женщин [19, с. 269–271], то нетрудно заметить, что древние люди, приставляя к наименованию зайца морфему «красный», стремились удваивать его продуцирующую силу.

Башкиры верили, что жизнь и судьба несовершеннолетних детей находятся под постоянным наблюдением, содействием и руководством тотемического предка — зайца. В этом контексте заслуживает внимания обряд обрезания мальчиков («*сәннәткә биреү*» / «*бабаға биреү*»): исполнитель обряда (*баба* — старик) успокаивал ребенка обещанием принести ему «*куян-ат*» («заяц-конь») [8, с. 81]. А в некоторых районах РБ [6, с. 336] неофита утешали тем, что *баба* подарит ему настоящего зайца. При этом небезынтересно отметить, что у башкир Зилаирского района РБ сам обряд называется «*куянға биреү*» («отдать зайцу») [21, с. 202]. После удаления крайней плоти полового органа у мальчика он считался полноправным мусульманином.

Практика обрезания восходит к древним тотемическим церемониям инициации мальчиков, перевода их в категорию полноценных людей. Как правило, такая процедура совершалась под патронатом тотемического предка. У аборигенов Австралии часто он же являлся и исполнителем операции [22, с. 112–120]. В исследуемом нами обрядовом действии башкир таким тотемическим предком, патроном инициации (обрезания) является заяц. Поэтому нет ничего удивительного в том, что башкиры Зилаирского

района РБ говорили, что мальчика отдают на обрезание зайцу.

Пережитки культа зайца дошли до наших дней в различных сферах жизнедеятельности башкир. В частности, его проявления обнаруживаются в детских играх «*Өйһөз куян*» («Бездомный заяц»), «*Куян атыш*» («Стрельба по зайцу») и «*Батыр куян*» («Заяц-богатырь»). В потехе «Бездомный заяц», участники веселья становятся в круг и по считалке кто-то получает роль зайца, а другой — охотника. Заяц бежит по внешнему кругу детей, а охотник стремится догнать его и прикоснуться к нему рукой. Тогда они меняются «обязанностями»: охотник превращается в зайца, заяц в охотника. Заяц может передавать свою функцию кому-то из игроков и иным способом: юркнув внутрь круга и став перед другим участником игры [10, с. 76–77]. В забаве башкир «Стрельба по зайцу» дети делятся на две команды, строятся в два ряда друг против друга на расстоянии 10–12 метров. Один из участников развлечения, кому по считалке достался жребий быть зайцем, выходит на середину. Дети по очереди бросают в него мяч. Заяц старается увильнуть от удара. В случае попадания мяча в зайца он выходит из игры, а меткий метатель мяча становится зайцем [23, с. 16]. Краткая информация имеется о башкирской игре «Заяц-богатырь»: известно, что зимой 3–4 мальчика борются друг с другом [24, с. 407]. Вероятно, победитель удостоивался звания «Заяц-богатырь».

Академик А.М. Сулейманов, исследуя исторические и генетические корни детского игрового фольклора башкир, отметил, что они неразрывно связаны с религиозно-мифологическими воззрениями древних людей [25, с. 207, 213, 215]. Данное умозаключение маститого ученого подкрепляется вышеизложенными образцами детских забав из различных этнических групп башкир.

Несомненно, что истоки всех этих детских потех восходят к мифоритуальным традициям далеких предков башкир. Так, если в веселье «Бездомный заяц» просматриваются реликты веры древних башкир в трансформацию человека и зайца друг в друга, то в развлечении «Стрельба по зайцу» всплывает осколок старинного обряда жертвоприношения почитаемого животного (битье зайца мячом — это коллективное ритуальное убийство тотема), совершаемого во время проведения праздника в его честь. А в основе третьего увеселения «Заяц-богатырь» лежит обряд инициации несовершеннолетних на тотемическом празднике зайца. По всей видимости, они когда-то являлись составными частями единого тотемического торжества, посвященного чествованию, возрождению и размножению тотемного животного — зайца.

Отголоски подобного пиршества преломляются в обычае башкир из д. Ишалино Мечетлинского рай-

она РБ проводить летом народное гулянье (*йыйын*) с приглашением гостей из соседних населенных пунктов, которые имели свои прозвища: «Волк», «Ворона», «Коза», «Корова» и т.п. Ишалинцы встречали приезжих знакомых из этих деревень шуточными «волчьими», «вороньими», «козьими» и иными плясками. А близких друзей из села Юнусово хозяева приветствовали пляской, изображая заячьи движения, так как юнусовцы относились к кошсинскому родовому подразделению «*кюян*» («заяц») [6, с. 216, 220].

По нашему предположению, ритуальные заячьи пляски башкир полностью соответствуют тотемическому танцу аборигенов Австралии. Они исполняются на оргиастических кутежах с намерениями размножить численность того или иного тотемного животного или повысить плодородность растений. Тем же целям служит проведение игр, торжеств, молений и праздников, связанных с тотемическими воззрениями у тех же аборигенов Австралии [22, с. 43].

В устной словесности и приметах башкир заяц символизирует изобилие, достаток и благополучие. Так, в приметах башкир год зайца в двенадцатилетнем цикле народного календаря представляется высокоурожайным и плодородным годом как для животного, так и для растительного мира. Этому будут способствовать благоприятные погодные условия. Между народами установится мир и согласие. Благожелательным знаком считалось, если заяц перебежал дорогу путнику или рыбаку [6, с. 149, 177].

В новелле «*Йомарт кюян*» («Шедрый заяц») на помощь мальчику приходит благородный заяц, по просьбе которого все лесные звери согласились помочь мальцу: медведи принесли бочки меда, оленихи — молока, волки — мяса, зайцы — орехов, лисы — кур и гусей и т.д. В притче «*Бызау тураһында жикэт*» («Сказка о телянке») к смолянскому телянку прилипает заяц. Он обещает телянку принести его хозяйке-девочке целый сундук подарков, если тот отпустит его на волю [3, с. 71–72, 119].

В прошлом у башкир существовал пастушеский обычай приносить вечером домой остаток черствого хлеба как заячий гостинец [26, с. 122]. В устном рассказе «*Ике бер туған*» («Два брата») заяц вместе с другими зверями (лев, медведь, волк и лиса) выступает в роли помощника егета: он охраняет его во время сна, участвует в оживлении коварно убитого хозяина, зализав его раны [27, с. 164–166].

Покровительствующая сущность зайца раскрывается и в религиозно-магической практике башкир, в которой он оказывается в амплу врачавателя людей. Так, при недержании ребенком мочи (*нейгэк булыу*) [8, с. 82] больного незаметно кормили заячьим пометом, подмешав его в хлебном мякише. При вздутии живота (*эс кубер*) страдальца заговаривали, тыча в жи-

вот головой зайца. При этом знахарь читал древнюю молитву [28, с. 227].

Заяц характеризуется как охранитель жизни и здоровья людей и в других религиозно-мистических воззрениях башкир. К примеру, пришитые на детскую шапочку ушки (*кюян колағы*) и хвост зайца (*кюян койроғо*) числились наиболее надежными оберегами малышей от нечистых сил и от сглаза [13, с. 21; 20, с. 309].

По нашему мнению, башкирские обереги из заячьих ушей, хвостов являются олицетворениями зайца — тотемического предка и сверхъестественного заступника предков башкир.

В прошлом предки башкир приписывали чудодейственные качества и изображениям зайца. На такую мысль наталкивает найденное в с. Байгильдино Нуримановского района РБ каменное навершие жезла или булавы в виде головы зайца. По мнению М.Ф. Обыденнова и Ф.М. Миннигуловой, данное навершие связано с тотемическими представлениями автохтонного местного населения и было символом власти племенных вождей [18, с. 28–29].

Не возражая против такой трактовки, хочется отметить, что первобытные люди воспринимали художественные изображения тотемов как воплощения самого тотема со всеми вытекающими из этого обстоятельства следствиями. В первую очередь им (тотемам) как выразителям интересов определенного сообщества людей вменяли в обязанность защищать, охранять выгоду коллектива: охотничьи угодья, территорию обитания, существующие обычаи и традиции, условия жизни и быта людей и прочее от всяких неурядиц, бед и несчастий. В то же время в процессе дальнейшей эволюции общества и общественной мысли тотемы и полубожественные тотемические предки постепенно превратились в эгиды отдельных выдающихся людей, воинов, охотников, вождей, осуществлявших свою деятельность ради благополучия всего коллектива.

Полубожественные черты характера зайца чувствуются и в космогонических легендах башкир. Так, среди башкир зарегистрирован устный рассказ о том, что если земля по утрам едет верхом на быке, то вечером она едет верхом на зайце [29, с. 236].

Как нам кажется, данный сюжет в устной словесности башкир является результатом переложения в более поздние эпохи (в условиях всеобщей антропоморфизации животного мира, явлений и объектов неживой природы) древних космогонических мифов об участии тотемических предков — зооморфных племенных божеств в творении отдельных элементов мироздания и установлении их в космическом пространстве.

Между тем в религиозно-мистических умозаключениях башкир присутствуют и мотивы негативной оценки тех или поступков или действий зайца.

К примеру, по приметам башкир, если дорогу путника перережет заяц — не жди ничего хорошего. Это к несчастью, неудаче [5, с. 127; 8, с. 6, 25]. Заяц характеризуется как неблагонадежный зверь и в двенадцатилетнем животном календаре башкир. Так, у некоторых родоплеменных групп башкир год зайца считается неустойчивым годом (в одном месте будет засуха, в другом — дождь; где-то уродится богатый урожай, где-то — недород), числится годом предстоящей бескормицы, всяких тяжких напастей и бед как для людей, так и для скота [6, с. 176, 177].

Весьма возможно, что истоки близких по смыслу воззрений связаны с анимистическими взглядами первобытных людей на зайца как на олицетворение или вместилище души человека, покидающей в момент смерти тело покойника. Данное соображение подкрепляется суевериями славянских народов о трансформации души умирающего человека в зайца [30, с. 190–191]. А прецедент отрицательной оценки зайца у башкир как источника бескормицы, видимо, является следствием неадекватного отражения более древних, первичных тотемических представлений о зайце в качестве покровителя плодородия. Благодарный заяц мог преобразиться в свою противоположность и в ходе многовекового преследования мировыми религиями пережитков язычества в сознаниях и бытовых традициях тех или иных народов, в том числе башкир.

Таким образом, исходя из вышеизложенных материалов можно сделать вывод, что в культуре и религиозно-мистических воззрениях башкир заяц был почитаемым животным. Он наделяется теми же психическими и физическими качествами, что и человек: мыслит, разговаривает, дружит, переживает, ведет человеческий образ жизни. В фольклорных рассказах башкир имеются пережитки тотемических представлений об их тождестве, способности трансформироваться друг в друга. Заяц как тотемический предок выступает в роли покровителя, защитника, помощника людей, дарит им здоровье, благополучие и семейное счастье. В родоплеменной номенклатуре сохранились дериваты древних суждений башкир о происхождении отдельных групп людей

от зайца, тотема и тотемического предка. В устно-поэтическом творчестве, обычаях и обрядах башкир заяц представляется в ипостаси тотемического предка, покровителя семейно-брачных отношений, рожениц и детей. В фольклорных рассказах, народном календаре и приметах башкир заяц символизирует плодovitость живых организмов (в том числе женщин) и плодоносность растений (в их числе злаковых и клубнеплодных культур).

В детских играх, отдельных обрядах и народной хореографии дошли до наших дней реликты тотемического праздника зайца с элементами чествования и жертвоприношения почитаемому зверьку, совершением инициационно-инкарнационных ритуалов и обрядов возрождения и размножения тотемного животного — зайца. В фольклорной традиции башкир заяц ценился как благодетель героев: создает им благоприятные условия, приносит богатство, охраняет их жизнь. В религиозно-магической практике башкир заяц оказывается врачом людей. Охранительные функции зайца раскрываются в приписывании изображениям зайца апотропейных свойств и в практике пришивания на детские шапочки заячьих ушек и хвостов как оберегов от нечистой силы и сглаза. В предрассудках башкир присутствуют косвенные свидетельства о восприятии их предками зайца как воплощение души человека. В устных произведениях башкир преломляются реминисценции древних космогонических мифов об участии зайца — тотемического предка в творении земли и удерживании ее в пространстве Вселенной. В религиозно-мистических воззрениях башкир дают себе знать и пережитки негативной характеристики зайца. Их можно трактовать как результат инверсивного отражения в умозаключениях древних башкир тотемических и анимистических представлений о зайце как покровителе плодородия и воплощения души человека. Заяц как культовое животное, потерпев поражение в межконфессиональной борьбе от более сильных религиозных систем, из тотема, тотемического предка, божественного существа превратился в мизантропа.

Библиографический список

1. Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф. Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. 2-е изд. Уфа, 2012.
2. Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М., 1966.
3. Башкирское народное творчество. Т. 13: Сказки о животных. Уфа, 2009 (на башк. яз.).
4. Академический словарь башкирского языка. Уфа, 2013. Т. 5.
5. Духовное богатство башкир Самарской и Саратовской областей. Уфа, 2008 (на башк. яз.).
6. Башкирское народное творчество. Т. 1: Обрядовый фольклор. Уфа, 1995.
7. Кирей Мерген. Исследование обрядового фольклора башкирского народа // Литература. Фольклор. Литературное наследие. Кн. 2. Уфа, 1976 (на башк. яз.).

8. Полевые материалы автора. 2000 г.
9. Башкирский фольклор. Исследования и материалы. Уфа, 1995. Вып. 2.
10. Галяутдинов И.Г. Поиграем вместе, друзья. Уфа, 1979 (на башк. яз.).
11. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.
12. Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1. Родоплеменные организации башкир в XVII–XVIII вв. Уфа, 1957.
13. Полевой дневник Ф.Ф. Илимбетова. 1966 г.
14. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009.
15. Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). 2-е изд. Уфа, 2006.
16. Аккубеков Р.Ю. Башкирские народные сказки о животных: типология и взаимосвязь с письменными источниками : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006.
17. Кирей Мерген. Эпические памятники башкирского народа. Уфа, 1961 (на башк. яз.).
18. Обыденнов М.Ф., Миннигулова Ф.М. Древнее искусство Башкирии. Уфа, 1985.
19. Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. Уфа, 2011.
20. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологическая лексика башкирского языка (в этнолингвистическом освещении). Уфа, 2016.
21. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010.
22. Белков П.Л. Миф и тотем в традиционном обществе аборигенов Австралии. СПб., 2004.
23. Материалы фольклорной экспедиции-2011: Учалинский район. Уфа, 2012 (на башк. яз.).
24. Тулвинские татары и башкиры. Этнографические очерки и тексты. Пермь, 2004.
25. Сулейманов А.М. Детский игровой фольклор. Уфа, 2007 (на башк. яз.).
26. Экспедиционные материалы-2017: Стерлибашевский район (материалы и исследования). Уфа, 2018 (на башк. яз.).
27. Башкирское народное творчество. Кн. 2: Сказки. Уфа, 1976 (на башк. яз.).
28. Лечебная и охранительная магия башкир. Тексты. Уфа, 2009.
29. Духовное наследие: фольклор свердловских башкир. Уфа, 2008 (на башк. яз.).
30. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.